

Формирование дисциплины

Исследователи единогласны в том, что особенно сильный и масштабный импульс развитию теории и практики охраны наследия на Западе придали такие деструктивные факторы, как религиозные и династические войны новых веков, и, прежде всего, индустриальная революция и интенсивная урбанизация. Как известно, начало индустриальной эпохи выявило четкое противоречие с традиционным аграрным укладом жизни и средой, которую современники осмыслили по-разному, выбирая спектр поведения от ее уничтожения и переработки до попытки сохранить и повторить в новом творчестве (чем особенно отличается историзм в архитектуре).

Британский историк П. Райт отметил *спокойное буржуазное видение* истории, когда она воспринимается как прямая линия прогресса, которая заканчивается благосклонно оцениваемым настоящим. Ей противопоставлено *неспокойное аристократическое видение* истории, когда истоки настоящего находятся в прошлом, которое связывается со своего рода «золотым веком», и осуждается относящееся равнодушно или даже враждебно к охране наследия современное общество, которое не умеет должным образом ценить его и уважать. Возможен тип отказа от прошлого, названный историком *антитрадиционным техническим видением*, когда прошлое оценивается как законченный процесс, а настоящее – как застрявшее в предрассудках и традиционализме, от которого надо всеми способами избавиться¹⁸ (ср. с типологией исторического сознания Рюзена).

Небрежное отношение сторонников прогресса к реликтам прошлого, равнодушие к ним или даже сознательное уничтожение их вызвали контрреакцию романтического движения. Ему часто было свойственно эскапистское поведение – бегство на природу, в далекие экзотические страны (Китай, исламский мир, Египет), в прошлое (особенно в средневековье), идиллическую деревню.

В свою очередь «бегство в прошлое» (в Северной Европе – в готику) оказало существенное влияние на формирование профессиональной исторической науки, поощряло научные исследования по истории искусства и архитектуры. В результате историзм стал уникальным по объемам, формам проявления и массовому энтузиазму явлением. Поэтому одним из важнейших импульсов охраны наследия можно считать ясное осознание утраты, возникшее вследствие беспрецедентных социоэкономических изменений в странах Запада, которые позволили почувствовать невозможность возврата к прошлому.

Как уже упоминалось, по мнению некоторых авторов, Великая французская революция тоже оказала большое влияние на этот процесс, поскольку именно тогда утвердились понятия *вандализм*, *национальное наследие*¹⁹ и *национальные древности*, содержание которых охватывало ценности с древнейших времен до XVIII в. Они стали считаться не только свидетелями истории, но и коллективной собственностью народа. Поэтому памятники стали публичными, а музеи – национальными. Самый яркий из открывшихся в революционные годы музеев – Лувр, сосредоточивший национализированные богатства знати и Церкви. Подобные процессы характерны не только для Франции.

Таким образом, начало классической системы охраны наследия, поисков ее цели, смысла и метода восходит к рубежу XVIII и XIX вв. Культуролог Лораджейн Смит выделяет четыре существенные взаимосвязанные особенности формирующегося профессионального дискурса охраны²⁰.

¹⁸ Patrick Wright, *On Living in an Old Country: the National Past in Contemporary Britain*. London, Verso, 1985.

¹⁹ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine...*, p. 73-92.

²⁰ Laura Jane Smith, General introduction, *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies* (ed. by L. Smith). London, Routledge, 2007, vol. 1. P. 6-7.

Первая: материальному культурному наследию стали придавать внутреннюю ценность, связанную с его эстетическим качеством и культурным значением. **Вторая:** акцент переносится на их материальность и особенно монументальность, поскольку при большом внимании к материализму западной культуры, ее техническим и финансовым достижениям эстетическая ценность объектов символизирует их социальную и культурную значимость. Иначе говоря, в *официальном дискурсе наследия* (ОДН) объект охраны отождествляется с памятниками, археологическими местностями, различными материальными вещами или местами, которые воплощают определенные культурные ценности или значения²¹. Так, охрана материального наследия становится гарантом сохранения коллективной идентичности и таким образом может быть включена в пропаганду политического и культурного консерватизма. **Третья** особенность – появление осознания того, что государство, особенно специалисты, которых оно обучает и содержит, а также все культурные граждане имеют определенные обязанности в отношении сохранности реликтов прошлого. Поскольку культурное наследие чаще всего представляет «хорошее» и «ценное» прошлое, которое можно связать с современными достижениями, это ведет к осмыслению ответственности за его охрану, своеобразному уважению к нему, связанным с заботой об «аутентичности». Наконец, **четвертая** особенность – повсеместное утверждение мысли о том, что с помощью наследия формируется групповая идентичность²².

Создававшийся в это время метанарратив национализма особенно выделял два последних аспекта этого дискурса – значения «общего наследия» и «общей истории», которые позволяли связать жителей с определенной территориальной идентичностью²³. Исходя из этих положений, наибольшее внимание не случайно уделялось ценностям архитектурного и строительного (built) наследия, которые ярче всего отражают националистические потребности народа – гордиться художественными и творческими достижениями прошлого. Вследствие этого в течение всего XIX в. продолжались обсуждения целей и смысла упорядочения строительного наследия. Возникали вопросы: как далеко оно может зайти? Должны ли на памятниках сохраняться отметины времени и повреждений? Здесь мнения колебались от предложений умеренной консервации до полной реставрации. Таким образом, формирующийся официальный дискурс наследия старался определить, что подходит и что нет, что называется «уважительным» или «неуважительным» поведением при охране культурных ценностей с учетом их начальной интенции, использования оригинальных материалов, эстетики и техник.

Несмотря на усилия по поиску универсальных и самых рациональных решений приведения в порядок памятников, на раннем этапе формирования дисциплины «Охрана наследия» (первая половина XIX – начало XX в.) во многих странах утвердился романтический взгляд на объект исторической архитектуры. При развитии реставрационных техник и увеличении знаний о древних архитектуре и искусстве в середине XIX в. все больше стали проявляться тенденции к «полной реставрации» самых важных исторических памятников.

Романтические настроения того времени, повлиявшие на интерес к готической архитектуре и признание средневековых построек частью национального наследия северных стран, вызвали возникновение доминировавшей в то время доктрины *стилистической реставрации*²⁴.

Первоначально цель этого направления сводилась к сохранению важнейших национальных памятников истории, науки и искусства, однако со временем она превратилась в стремление сохранить утерянную стилистическую интегральность. Архитекторы-реставраторы Э.Виоле-ле-Дюк (1814-1879), во Франции, и сэр Дж. Г. Скотт (1811-1878), в Англии, сформировали важнейшие принципы стилистической реставрации. Главной ценностью они считали цельность и выразительность стиля здания (художественную ценность), которые раскрываются, когда реставратор убирает считавшиеся неценными поздние наслоения, таким образом обесценивая не

²¹ Salvador Muñoz Viñas, *Contemporary Theory of Conservation*. Oxford, Elsevier, 2005, p. 45-58.

²² Laurajane Smith, *General introduction...*, p. 6-7.

²³ B. Graham, C. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *A Geography of Heritage. Power, Culture and Economy*. London, Arnold, 2000, p. 12.

²⁴ Подробнее см.: Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 137-173.

только информационно-историческую, но и возрастную ценность объектов наследия. Самым ценным считался первичный уровень здания, это отражало романтическое мироощущение поиска в реликтах прошлого истоков творческого гения народа.

Э. Виоле-ле-Дюк утверждал, что «реставрация... как само слово, так и практика являются новыми. Реставрация здания означает не его поддержание, исправление или перестройку, а стремление придать ему такое состояние цельности, в каком оно, может быть, никогда и не было»²⁵. Эта установка была романтической, поскольку опиралась на предположение, что «настоящее», аутентичное состояние объекта – не то, которое было воздвигнуто, а то, которое было задумано²⁶.

С целью придать объекту новую функцию и особенно полноту, «которой он, может быть, никогда не имел», использовались и современные материалы, например сталь, железобетон. Кроме того, при недостатке точных данных о первоначальном облике постройки и ее частей Э. Виоле-ле-Дюк предлагал реставрировать ее, опираясь на аналоги, и сам широко применял этот метод.

Такая практика, позднее сочтенная сомнительной, в то время оценивалась как приемлемая, поскольку, по мнению апологетов стилистической реставрации, «стиль» может быть оторван от его материализованных объектов и варьироваться в зависимости от культуры. Архитектурный стиль для Э. Виоле-ле-Дюка был специфическим выражением культурного контекста создавшей его эпохи, логически тесно связанным с мировоззрением того времени²⁷.

В это время стали выделять также «релятивный стиль», который в зависимости от назначения здания мог меняться, например особенности конструкций стиля барочных храмов, дворцов или зданий хозяйственного назначения. На распространение стилистической реставрации во многих странах Европы оказало влияние прагматическое убеждение архитекторов в том, что исторические здания лучше всего сохранять, находя им применение, а также активная поддержка со стороны политической власти, для которой реставрация важнейших национальных памятников стала делом престижа страны.

Однако уже в конце XIX в. *интервенционистская* теория и практика реставрации перестали удовлетворять некоторых критиков искусства, которые усмотрели в ней угрозу аутентичности. Опираясь на прошлые представления, исследователи начали отвергать правомерность канонического стиля и больше внимания уделять тому, что существовало ранее, а не стремиться «исправить» ошибки предков.

Стилистическая реставрация отличалась откровенным *пуризмом* – стремлением отразить в здании только один стиль, чаще всего готику. Его последствия оказались довольно болезненными: было повреждено и фальсифицировано множество архитектурных объектов XVII – XVIII вв., их окружение расчищено, поздние пристройки уничтожены. Поэтому теоретические принципы и методологические установки Э. Виоле-ле-Дюка и Дж. Г. Скотта, оказавшие влияние на тенденции охраны наследия во многих странах Европы, стали считаться деструктивными и фальсифицирующими, а некоторые реставрированные ими объекты в XX в. были даже «дереставрированы». Кстати, некоторые критики считают выполненную Э. Виоле-ле-Дюком полную реставрацию замка Пьерфон, от которого остались только фрагменты, предшественником Диснейленда, называя его работы агрессивными и «историзирующими»²⁸. Возникло понимание, что реставрация по аналогам, стремящаяся выдержать единство стиля, приносит больше вреда, чем пользы, и вводит общество в заблуждение.

Несмотря на эти недостатки, по утверждению финского исследователя Ю. Йокилехто, стилистическая реставрация до сих пор является доминирующим направлением в охране наследия всего мира²⁹. Если не учитывать предпринимавшихся членами международного сообщества специалистов по охране наследия уже в начале

²⁵ Eugène-Emmanuel Viollet-le-Duc, "Restauration", *The Foundation of Architecture: Selection from the Dictionnaire Raisonné*. New York, George Braziller Inc., 1990, p. 195.

²⁶ Salvador Muñoz Viñas, *Contemporary Theory of Conservation...*, p. 5.

²⁷ Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 151.

²⁸ L. Crodecki, *La restauration du château de Pierrefonds, Le Moyen Age retrouvé*. Paris, Flammarion, 1990.

²⁹ J. Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 301.

XX в. попыток ее избегать³⁰, сделать это практически не возможно, поскольку «эмоциональные» ценности идентичности и искусства оказывают намного большее влияние на общество, чем «сухие» научно-технические ценности.

Несмотря на обоснованную критику, некоторые установки Э. Виоле-ле-Дюка все-таки выдержали испытание временем. Уже тогда он утверждал, что архитектор-реставратор и архитектор-творец – это две разные специальности. Поэтому, прежде чем взяться за работы по приведению в порядок памятника, архитектор должен получить соответствующую научную подготовку. Кроме того, художник в нем должен отойти на задний план. Архитектор обязан полностью отказаться от своих личных эстетических предпочтений или предварительных установок и сосредоточиться только на стремлении поддержать и укрепить архитектурный объект, оставляя для творчества как можно меньше места и прибегая к нему в том случае, когда это неизбежно. Почти с религиозным пиететом он должен осмыслить форму, материал и старые методы работы для того, чтобы были выдержаны точность и историческая правда. Тем самым во время реставрации главное – забыть о значимости своей работы и все усилия направить на то, чтобы в памятнике осталось как можно меньше следов вторжения³¹. Таким образом, уже тогда было осознано, что архитектурная реставрация – скорее наука, чем искусство, творчество.

Чувства «долга», «уважения» и «порядочности» по отношению к прошлому и его материальному выражению, которые выделял Э. Виоле-ле-Дюк, стали основой этики современной охраны наследия. На нее немалое влияние оказал и принцип «сохранения найденного», который впервые обосновал в произведении «Семь светочей архитектуры» (1849 г.) интеллектуальный оппонент Э. Виоле-ле-Дюка британский искусствовед Дж. Рескин³². Сохранению культурных ценностей посвящена часть этого произведения под названием «Светоч памяти».

Благодаря Дж. Рескину, «реставрацию» в Великобритании скоро стали воспринимать как что-то негативное, и она была заменена «консервацией». По мнению этого создателя понятия *антиреставрации*, или *невмешательства* (*anti-scrape*), на историческое здание, картину или скульптуру надо смотреть как на уникальное творение художника, жившего в специфическом историческом контексте. Наряду с этим ценность имеет и следы времени, воспринимаемые как знаки «зрелости» объекта. Основная идея Дж. Рескина гласит: у нас нет права касаться памятников прошлого, поскольку они принадлежат не нам, а отчасти тем, кто их создал, отчасти всем поколениям прошлого-настоящего-будущего, поэтому мы можем менять только то, что создали сами.

Как и поэзия, архитектура неподвластна времени, поэтому Дж. Рескин особенно отстаивал нашу ответственность перед ней: во-первых, создавать архитектуру, качество которой позволило бы со временем стать ей исторической, и, во-вторых, сохранить ее для будущих поколений. Поэтому любое вмешательство с целью улучшить состояние старых зданий, по словам Дж. Рескина, является святотатством. Он оценивал реставрацию, сопровождаемую фальшью новой постройки, как самую радикальную деструкцию, какую только может претерпеть здание.

Таким образом, реставрация – это лишь фикция. У нас отнимается старое произведение, а вместо него предлагается плохая копия. Реставрировать так же нельзя, как и воскресить мертвого. Поэтому реставрация – это чистая ложь, введение в заблуждение, покушение не только на память, но и на правду (действительность). Реставрировать – значит покушаться на самую суть объекта – его аутентичность. Поэтому Дж. Рескин даже сравнивал Э. Виоле-ле-Дюка с фальшивомонетчиком.

Однако какую же реальную альтернативу он мог предложить? Ведь воздействие на памятники времени и климата, а иногда и людей, неизбежно и губительно. Если следить за сохранностью памятников, тогда их не надо будет реставрировать, – таков ответ Дж. Рескина. По его словам, «постаревшему» памятнику надо просто позволить умереть достойной смертью, его судьба – развалины и прогрессирующий распад.

³⁰ Большинство международных документов по охране наследия, начиная с Венецианской хартии 1964 г., побуждало реставрировать, опираясь на исследования, а не гипотезы.

³¹ Eugène-Emmanuel Viollet-le-Duc, "Restauration". The Foundation of Architecture: Selection from the Dictionnaire Raisonné. New York, George Braziller Inc., 1990, p. 209-215.

³² John Ruskin, *The Seven Lamps of the Architecture* (ed. by J. M. Dent and Sons). London, 1956.

Дж. Рескин был первым теоретиком, оценившим важность для осознания наследия не только замков и храмов, но и более скромных построек и урбанистических ансамблей. Кроме того, в своей теории он отделился от процветавшего до тех пор европоцентристского мировоззрения, универсализируя ценности наследия. Вместе с художником У. Моррисом он оказался в числе первых, кто начал движение за охрану памятников в международном масштабе³³.

Почему во Франции и Великобритании сформировались такие диаметрально противоположные позиции по отношению к охране строительного наследия? Как уже упоминалось, в конце XVIII – начале XIX в. Франция в отличие от Объединенного Королевства испытала много драматических потрясений, которые сопровождались массовыми разрушениями. По мнению Джона Эрла, уставшие от деструкции люди опять стали воспринимать прошлое через идиллическую призму и старались его вернуть, корректируя старую архитектуру и совершенствуя городской ландшафт. В Англии же, где происходила особенно быстрая индустриализация, вызываемая ею угроза заставляла интеллектуалов искать психологическую стабильность в средневековье (знаменитое движение *Gothical Revival*), а старую архитектуру стали сакрализировать, объяснив ее неприкосновенной и неизменной ценностью³⁴. Как ни парадоксально, в обеих противоположных установках чувствуется отражение мировоззрения романтизма.

Оппозиционные взгляды сторонников стилистической реставрации и «невмешательства» – континуалистов – попытался объединить итальянский архитектор и историк искусства Камилло Бойто (1835-1914), синтезировавший лучшие стороны обеих теорий и положивший основу многим существующим до сих пор принципам деятельности по охране памятников³⁵. В 1893 г. он выпустил книгу «Практические вопросы изящных искусств», в которой привел диалог «Сохранять или реставрировать». В нем была раскритикована «политика невмешательства» Дж. Рескина, поскольку К. Бойто сопоставил памятник, подлежащий реставрации, с больным, а реставратора – с врачом, когда отказ от лечения больного равносителен обречению его на смерть. Однако он высказался и против теории Э. Виоле-ле-Дюка, поскольку реликт прошлого – своеобразная «книга», исторический документ, переделывать который недопустимо (пользуясь той же метафорой, можно сказать, что в этом случае предлагается пластическая хирургия, стремящаяся омолодить и усовершенствовать организм «пациента»). Кроме того, двигаясь по пути стилистической реставрации, невозможно избежать ошибок и субъективных интерпретаций.

Итальянский архитектор-реставратор также высказался за сохранение всех слоев здания и не согласился с установкой, что более старый уровень априори «лучше», поскольку «красота может преодолеть старость». С британцами его, следовательно, связывала защита аутентичности, однако вслед за Э. Виоле-ле-Дюком он выдвинул тезис о главенстве настоящего над прошлым и таким образом реабилитировал реставрацию. Тем не менее последняя может применяться только *in extremis*, т.е. когда все другие средства – поддержание, укрепление, консервация – уже испробованы и недостаточны. Стало быть, реставрация – только составная часть более широкой консервации.

Однако, реабилитировав реставрацию, К. Бойто сразу же постарался строго определить это понятие, вводя обязательное требование отделения новых частей от старых (цветом, материалами, фактурой, формой). В итоге он сформулировал правила аутентичного сохранения и иерархии вторжений, которые были приняты на Конгрессе инженеров и архитекторов Италии в 1878 г. и позднее отразились в итальянском Законе об охране памятников 1909 г. и Афинской хартии 1931 г. Эти нормы стали основой критически и аналитически определенной новой дисциплины реставрации и по сути до сих пор применяются в международной практике охраны памятников.

³³ Подробнее см.: Manifesto of the Society for the Protection of Ancient Buildings, *Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage* (ed. by N.S. Price, M. Kirby Talley Jr and A. Melucco Vaccaro). Los Angeles, The Getty Conservation Institute, 1996, p. 319-321.

³⁴ John Earl, *Building Conservation Philosophy*. The College of Estate Management, 1997, p. 35-44.

³⁵ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine...*, p. 121-124.

Установки, развитию которых немало содействовал и другой итальянский теоретик реставрации Густаво Джованнони (1873-1947), утверждают, что каждый реликт прошлого, движимый или недвижимый, является документом, сохраняемым полностью с целью сберечь даже малейшие исторические изменения. Поэтому следует придерживаться своеобразного «золотого правила» – лучше укреплять, чем исправлять, лучше исправлять, чем реставрировать, любой ценой избегать пристроек и новообразований; если пристройки и новообразования неизбежны, они должны отличаться от старых частей, но не явно (деталью). Кроме того, необходимо документирование хода работ, производимых с объектом³⁶.

Во время первой международной конференции, посвященной охране исторических памятников, состоявшейся в 1931 г. в Афинах, была принята *Хартия реставрации исторических памятников*³⁷, предлагающая лаконичные, но универсальные установки, регламентирующие работы по охране наследия, которые можно применять в разных странах, решая специфические проблемы; таким образом, впервые был преодолен индивидуальный взгляд и достигнут консенсус специалистов.

В этом документе одобряются наблюдаемые в большинстве стран тенденции отказа от реставрации *in toto* и переход к системе постоянного надзора и консервации, создаваемых и применяемых для предотвращения разрушения исторических монументов. Реставрацию рекомендуется использовать только в тех случаях, когда восстановление памятников, разрушенных временем или людьми, обязательно, напоминая, что выполняемые работы должны быть основаны на уважении ко всем периодам жизни объекта. Кроме того, признана необходимость сохранения исторического окружения. Отмечено также большое значение общественного просвещения как одного из важных средств охраны культурных ценностей. Все страны были призваны провести инвентаризацию своего наследия. В поисках универсальных принципов охраны актуальной стала потребность выявления объективной информации, скрытой в архитектурной ценности, поэтому в сферу науки об охране наследия активно включились точные и естественные дисциплины.

После многочисленных разрушений Второй мировой войны стало очевидным, что названные в Афинской хартии приоритетными направлениями постоянный надзор и консервация уже не являются таковыми. При отсутствии более адекватных новой ситуации универсальных рекомендаций каждая страна, пострадавшая от войны, самостоятельно искала способы решения этой проблемы, часто выбирая реконструкцию (чуть ли не самый известный образец полного комплексного восстановления был реализован в нескольких разрушенных городах Польши³⁸), восстановление уничтоженных урбанистических структур посредством современных архитектурных форм или *строительства* нового содержания и современной формы. Такая полная или частичная реконструкция не имела более твердой теоретической основы и, по сути, противоречила установкам охраны наследия, сложившимся в межвоенное время.

Однако при восстановлении разрушенного войной в Европе все больше утверждалось понимание того, что культурные сокровища являются ценностями не только конкретной страны, но и всего мира. На основе этого начали создаваться международные организации и общества специалистов. По инициативе ЮНЕСКО в 1956 г. в Риме был учрежден ICCROM (*Международный центр консервации и реставрации культурных достопримечательностей*), который взялся за подготовку нового устава охраны наследия. С этой целью в 1964 г. в Венеции был созван Второй международный конгресс архитекторов и строительных техников исторических памятников, результатом работы которого стала *Международная хартия консервации и реставрации памятников и мест (Венецианская хартия)*.

³⁶ Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation*, p. 219-222.

³⁷ *The Athens Charter for the Restoration of Historic Monuments*, http://www.icomos.org/athens_charter.html

³⁸ Кстати, отстраивая исторические части Гданьска и Вроцлава, специалисты искали образцы «польского стиля» (барокко, классицизма, ренессанса), проводя таким образом «депруссизацию» и «дегерманизацию». Подробнее см.: Jakub Lewicki, *Konserwacja zabytków w Warszawie w wieku XX, Renowacja i zabytki*, 2002, no. 1, p. 28-49; Bohdan Rymaszewski, *Polska ochrona zabytków. Refleksje z lat 1918-2002*. Warszawa, Bis-Press, 2002, p. 52-70; Maria Lubocka-Hoffmann, Реконструкция исторических городов в Польше, *Программа реставрации районов старых городов в условиях реконструкции Балтийска* (состав. Maria Lubocka-Hoffmann, Boguslaw Szmugyn), Эльблонг, Европейская комиссия, Программа PHARE-CREDO, 2000, p. 27-39.

В этом документе были четко определены главные работы по охране наследия: консервация, реставрация и реконструкция. Рекомендовалось остановить процесс охраны памятников тогда, когда начинаются догадки. Кроме того, отмечалась необходимость основывать реставрацию на уважении к оригинальным материалам и аутентичности, одновременно разъяснялось, что единство стиля не является ее главной целью. Акцентируется потребность в научных (археологических, исторических) исследованиях памятника. Венецианский конгресс рекомендовал отказаться от всех работ по восстановлению *a priori*. Только анастилоз – «объединение оставшихся, но рассеянных объектов» – был рекомендован как единственный вариант восстановления³⁹.

Однако в то время появились и критики Хартии, которых задела слишком резкая формулировка ее установок, ограничение возможностей использования современных материалов, особенно недостаточная регламентация урбанистических комплексов в области охраны наследия. Кроме того, в ней отмечались не определенными такие важные понятия, как «аутентичность» и «уважение к оригинальному материалу». Справедливыми были претензии и по поводу слишком большой «европейскости» Хартии, поскольку не были приняты во внимание потребности стран третьего мира с богатой природой и культурным наследием, но бедной экономической. Несмотря на эти недостатки, Венецианская хартия надолго стала важнейшим международным документом, регламентирующим работы по охране наследия, опираясь на который позднее создавались законы, рекомендации и правила ICOMOS, ICCROM⁴⁰ и отдельных государств, регламентирующие работы по консервации, реставрации и восстановлению строительного наследия.

Во второй половине XX в. сформировались эстетическая и научная теории охраны наследия. Обе эти теории были сконцентрированы на объекте, а основную цель работ по охране наследия определяли как процедуры возвращения и укрепления правды, достижимые с помощью научных исследований широкого характера⁴¹.

Эстетическая теория была сформулирована итальянским историком искусства Чезаре Бранди (1906-1988), который в своих работах большое внимание уделял поискам равновесия между категориями исторической ценности, доминировавшей в конце XIX в., и эстетической ценности, в то время незаслуженно забытой⁴². Однако позднее Бранди абсолютизировал значение эстетической ценности и утверждал, что она является важнейшим богатством объекта. Такие теоретические размышления определили появление эстетической теории, ее объектами стали исключительно произведения искусства, а имеющие меньшую эстетическую ценность или не имеющие ее вообще остались в стороне⁴³.

Эта теория трактовала работы по охране наследия как средства, позволяющие раскрыть или даже воссоздать эстетический образ и цельность объекта⁴⁴ и так сохранить все появившиеся в течение веков элементы⁴⁵. Однако в реальности основные положения теории было почти невозможно воплотить. Восстановление утраченных художественных композиций или их частей чаще всего обрекало реставраторов на уничтожение признаков других периодов, поэтому воссоздание и сохранение всех пластов оказались несогласуемыми процессами. Эстетическая теория вследствие ее внутренних противоречий и довольно узкого выбора объектов, имеющих только высокую художественную ценность, чаще всего недвижимых, не получила широкого распространения. Поэтому во многих странах закрепилась близкая ей научная теория.

³⁹ *International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites (The Venice Charter -1964)*, http://www.international.icomos.org/charters/venice_e.htm

⁴⁰ International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property – Международный центр исследований по охране и реставрации культурных ценностей.

⁴¹ Salvador Muñoz Viñas, *Contemporary Theory of Conservation...*, p. 65.

⁴² Cesare Brandi, *Theory of Restoration*. Firenze, Nardini editore, 2005, p. 47-49.

⁴³ Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 237.

⁴⁴ Giovanni Carbonara, *The Integration of the Image: Problems in the Restoration of Monuments, Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage* (ed. by N.S. Price, M. Kirby Talley Jr and A. Melucco Vaccaro). Los Angeles, The Getty Conservation Institute, 1996, p. 236-243.

⁴⁵ Salvador Muñoz Viñas. *Contemporary Theory of Conservation...* p. 67-68.

Подлинная же научная теория начала формироваться только в середине XX в., когда применявшиеся в подходе к охране наследия категории личного вкуса или личной гипотезы о композиционной законченности объекта постепенно сменились категорией научной объективности⁴⁶. Система охраны наследия обрела качественно новый уровень. Реставрация движимых и недвижимых ценностей уже могла опираться не на индивидуальные вкусы и представления на тему объекта, а на очевидные результаты исследований, полученные с использованием лабораторных опытов естественных наук и изучения источников при помощи методов гуманитарных наук, а также на коллективные решения ученых⁴⁷. Этот подход доминировал всю вторую половину XX в.

Однако в последнее десятилетие XX в. позиции научного подхода стали колебаться не только из-за положительных последствий его предложений. Вера в науку как универсальную «религию» не требовала более солидного теоретического обоснования. Стремление к объективности обязывало научную охрану наследия сосредоточиваться исключительно на объектах и фактах, оставляя идеи за пределами интересов, однако этого оказалось недостаточно.

Обе универсалистские теории охраны наследия столкнулись с прежними проблемами невозможности воплощения в реальности некоторых теоретических положений. Важнейшей целью научной реставрации и консервации стала попытка раскрыть и сохранить настоящую природу объекта – его правду (в случае эстетической теории – это художественность произведения, в случае научной – материальная, объективная, верифицируемая информация об объекте). В это время С. Муньос Виньяс основным пороком классической охраны наследия признал веру в то, что некоторые изменения, произведенные на конкретном объекте, могут сделать его более аутентичным⁴⁸.

В классической западной науке об охране наследия аутентичность трактовалась как существенное условие включения объекта в реестры и становление его культурной ценностью. Однако в реальности вопрос об аутентичности намного сложнее⁴⁹. О какой же аутентичности здесь идет речь: *создателя, материала, функции, идеи, истории, ансамбля или контекста*?⁵⁰ Классические теории, поле зрения которых искажено призмой объективности и аутентичности, поддерживали внутренне противоречивую установку относительно прошлого, считая, что вещи в ходе истории в основном не изменяются, а если так случается, то обязанность охраны наследия – вернуть объекту первичный облик. При этом требовалось сохранять одновременно и знаки исторических изменений, что оказалось невозможным.

Кроме того, классической охране наследия свойственно стремление к утверждению универсальных принципов, под которыми скрывается европоцентризм, замкнутость, доминирование мнения узкого круга специалистов, а это уже не соответствовало новым ожиданиям общества. Поэтому пришлось не только переосмыслить цели и смысл системы охраны памятников, но и заново определить ее социальную роль и начать применять достижения социальных наук и наук об охране окружающей среды. Вследствие этих перемен охрана наследия в настоящее время обрела новый фундамент в виде сформировавшейся в конце XX в. концепции устойчивого развития – концепции экономии природных и культурных ресурсов и передачи их будущим поколениям – и ориентирована на деятельность, благоприятствующую потребностям будущих поколений.

⁴⁶ Giovanni Urbani, The Science and Art of Conservation of Cultural Property, *Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage* (ed. by N.S. Price, M. Kirby Talley Jr and A. Melucco Vaccaro). Los Angeles, The Getty Conservation Institute, 1996, p. 445-450.

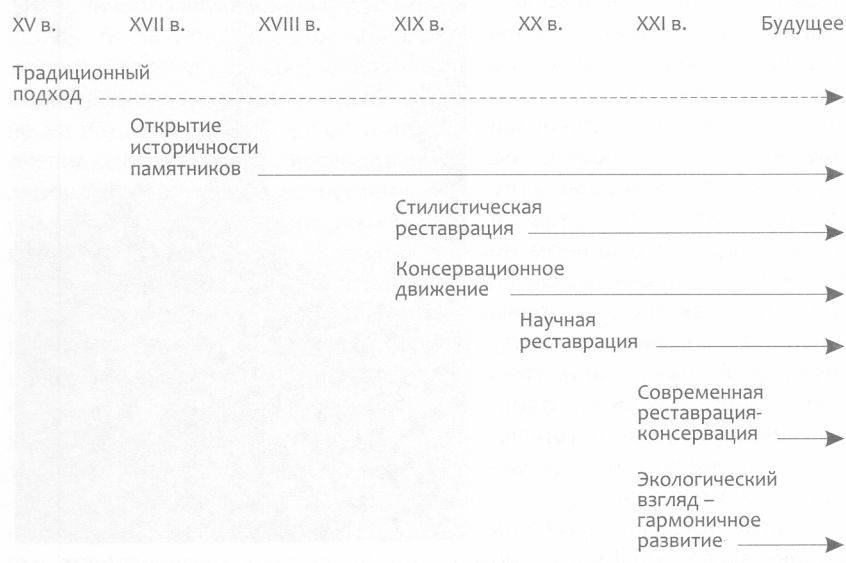
⁴⁷ Paul Philippot, Restoration from the Perspective of the Humanities. *Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage* (ed. by N.S. Price, M. Kirby Talley Jr and A. Melucco Vaccaro). Los Angeles, The Getty Conservation Institute, 1996, p. 217.

⁴⁸ Salvador Munoz Vinas, *Contemporary Theory of Conservation*..., p. 102.

⁴⁹ Проблемам аутентичности культурных ценностей в 1994 г. была посвящена международная конференция в японском городе Нара, где был принят *Документ об аутентичности*. См. сборник статей: *Nara Conference on Authenticity in Relation to the World Heritage Convention. Proceedings* (ed. by Knut Einar Larsen). UNESCO World Heritage Centre, 1995.

⁵⁰ *European Heritage. Planning and Management* (ed. by C. Ashworth and P. Howard). London, Intellect, 1999, p. 38.

Эволюция практики реставрации - консервации⁵¹

Наряду с вышеупомянутыми тенденциями в сфере наследия всегда существовало и *направление преемственности традиций*. С XVIII в. рос интерес к народному творчеству, фиксировались аутентичные источники по народному искусству как проявлению конкретной культурной идентичности. В 1891 г. в Швеции, в Скансене, усилиями Артура Хазелиуса (1833-1901) был создан первый музей народного быта под открытым небом. Его создание связано с обнаруженными ценностями образа жизни, материальной культуры, ремесел и традиций сельского населения. Вскоре такие музеи-скансены распространились по всей Европе.

Позднее это превратится в стремление сохранить традиционные регионы и общества, поддерживать культурное разнообразие и жизнеспособность местных культур в условиях глобализации. С этим направлением параллельно будут развиваться и глобальные экологические интересы, и концепция сбалансированного развития, которые в последние десятилетия XX в. в международной политике станут приоритетными.

Несмотря на то что примерно с 1990 г. начало интенсивно развиваться понятие наследия и шириться поле дисциплинарного отношения к его охране, технический подход и сегодня остается в силе. Все это позволило сохраниться санкционированному и приоритетному дискурсу наследия, утвердившемуся в англоязычных регионах Западной Европы, Северной Америки и Австралии, а также Новой Зеландии, который доминирует до сих пор. Какие существенные этапы этой дисциплины можно было бы выделить, учитывая пройденный ею путь?

⁵¹ По: J. Jokilehto, *Preservation Education in European Architecture Programmes*, www.aia.org (см. 2005 06 12).